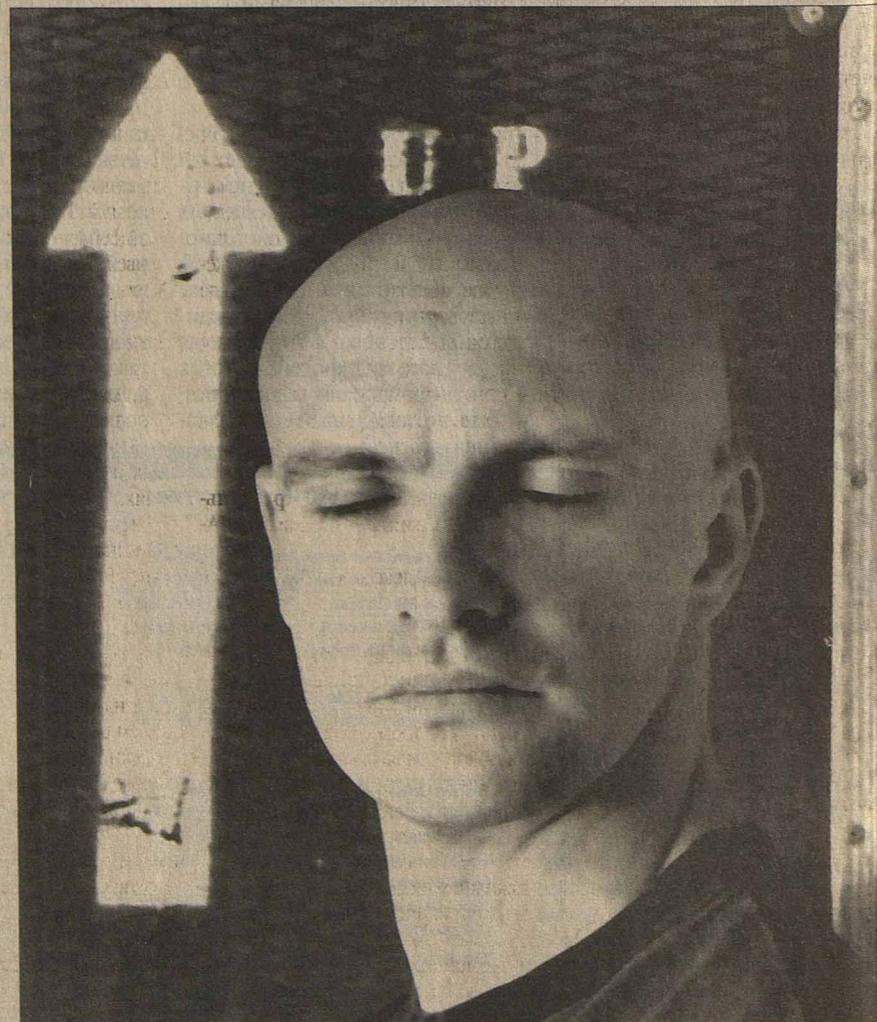

Музыка Шнитке в зазеркалье Майо

Новогодняя премьера в Монте-Карло

Майо, исследователь зазеркалья

Группа «Балеты Монте-Карло» была создана в 1936 году на базе труппы Дягилева «Русские балеты Монте-Карло», названной так в 1926-м. В 1993-м ее возглавил хореограф Жан-Кристоф Майо. Сегодня 37-летний руководитель «Балетов Монте-Карло», формируя репертуар, демонстрирует коллекцию балетов М.Фокина, Л.Мясина, В.Нижинского и десять постановок Дж.Баланчина. На афишах труппы появились также имена Уильяма Форсайта, Джона Ноймайера и Уве Шольца, Иржи Килиана, Кэррол Армистейдж и Люсинды Чайлдс, Анжелена Прельжокажа и Бертрана д'Ата, Начо Дуато, Джона Аллейна и Ренато Занелла.

Сам Майо за истекшие четыре года поставил в Монако 12 балетов, среди них «Творение» (И.С.Бах), «Тема и четыре вариации» (П.Хиндемит), «Черные бести» (А.Шнитке, А.Пярт), «Где луна?» (А.Скрябин), «Ромео и Джульетта» (С.Прокофьев).

В нынешних трех новогодних программах по традиции были показаны постановки Дж.Баланчина на музыку П.Чайковского («Па-де-де» и «Тема и вариации») в новом оформлении Дж.Каплана, и «Ромео и Джульетта» Майо. Премьеры новогоднего цикла — балеты «В лесу» Начо Дуато на музыку Вила-Лобоса и Тиссо, где солировала впечатлившая публику хрупкая и элегантная Ксения Кастальская, «В полете» и «С обеих сторон» Ж.К.Майо на музыку, соответственно, Ф.Шуберта и А.Шнитке.

Премьерный балет «С обеих сторон» Ж.-К.Майо на музыку «Трио-сонаты» Шнитке в оркестровой редакции Ю. Башмета приглашает к путешествию в за-

зеркалье. Три огромных зеркала в глубине сцены — плоское, синусоидальное и трансформирующееся — создают пространство для пластика-композиционного эксперимента. После спектакля Жан-Кристоф Майо согласился ответить на вопросы корреспондента газеты «Русский Телеграф» Виктора Игнатова.

В.И. Для новой постановки Вы снова, как и в балете «Черная бестия», выбрали музыку Шнитке. С чем связан Ваш выбор?

Ж.К.М. Альфреда Шнитке мне открыл Дж.Ноймайер, который поставил на его музыку «Отелло» и «Пер Гюнт». Сочинения А.Шнитке я нахожу чарующими. Он, на мой взгляд, самый просвещенный из современных композиторов — создает новое на базе древнего. В этом смысле я чувствую себя к нему очень близким, потому что в моей хореографии я делаю почти то же самое.

В.И. Какова концепция вашего балета «С обеих сторон»? Это вариант легенды о Нарциссе?

Ж.К.М. Концепция проста. Установить взаимоотношения индивидуума, в частности танцовщика, с зеркалом. Меня интересует то, как наш образ отражается в зеркале — правдиво или ложно. В конечном итоге публика для танцовщика не заменяет ли зеркало? Что есть собственный образ, который ты получаешь — самолюбование, лесть или разрушающее видение? Миф о Нарциссе особенно созвучен с танцовщиком, но это также относится и к хореографу, влюбленному в свою работу. Для меня хореограф, несомненно, еще больше самовлюблен, чем танцовщик. Это менее очевидно. Хореограф передает танцовщи-

кам образы и потом наслаждается вдвойне — смотря на них в зале и на публику, которая их видит.

В.И. Как возникла эта идея?

Ж.К.М. Однажды я попросил танцовщиков, недовольных своими фотографиями в буклетах, принести такие, которые бы их устроили. То, что они мне принесли, на 95% было похоже на все что угодно, но не на них самих. Я понял, что по-настоящему мы всегда имеем ошибочное представление о самих себе. Помните, как Белоснежка обращается к зеркалу: «Скажи мне, что я самая красивая на свете»? Ответ, которого мы всегда ждем, — «да». Когда же зеркало отвечает «нет», тогда катастрофа.

В этом проблема танцовщика и хореографа, которые обращаются к публике: «Скажи, ты любишь меня?» Иногда публика говорит «нет», что невыносимо. Впрочем, все прочие также задаются этим вопросом. Именно эту чрезвычайно сложную реальность я и хотел представить в спектакле. Мой спектакль тоже сложный, с огромным набором образов. Во всем этом мало ясности. Выходишь из зала с бесконечным числом вещей в голове. И это то, что происходит каждый день, когда смотришься в зеркало.

В.И. Ваша новая хореография оказалась сложной для исполнения?

Ж.К.М. Нет, она вполне приемлема для танцовщиков с хорошей классической подготовкой. Это одна из наиболее простых моих работ, которую можно легко перенести в труппу, где еще не знакомы с моей хореографической лексикой. Я исповедую танцы на пуантах и обнаженной

ступне в равной степени. Сегодня это называют постклассикой.

В.И. Как долго Вы работали над премьерным балетом?

Ж.К.М. По необходимости — очень быстро. Эта история была в моей голове уже давно. Сочинение хореографии — самая простая часть постановки. Сложнее найти идею и продумать структуру спектакля.

В.И. После огромного успеха премьеры какие у Вас мечты?

Ж.К.М. Разочарую — у меня их нет. Я человек чрезвычайно реалистичный. Считаю, что вещи нужно делать последовательно, изо дня в день. Сегодня у меня есть превосходная труппа, с которой я могу создавать большие спектакли. У меня есть средства и время для интересной работы. Утопий нет.

В.И. А если Вас пригласят в Москву в Большой театр для постановки, скажем, одноактного балета?

Ж.К.М. Для начала я бы встретился с труппой, чтобы понять, в каком контексте будет существовать моя постановка. Вообще же в России было бы интересно показать французскую работу с русским композитором. Это особенно важно в связи с тем, что в Монако русские хореографические традиции живы и почитаемы сегодня не меньше, чем ранее.

В.И. Для их укрепления не намерены ли Вы приглашать современных хореографов из России?

Ж.К.М. Я плохо их знаю, поэтому об этом не могу говорить.

В.И. А что лично Вы планируете поставить в труппе?

Ж.К.М. В конце года мы сделаем новый большой вечер на музыку Прокофьева. Что это будет? Пока секрет.